
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕГИТИМНОСТИ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

Л.Н. Тарасова

Кафедра государственно-правовых дисциплин
Московская финансово-юридическая академия
ул. Б. Черемушкинская, 17-А, стр. 6, Москва, Россия, 117447

В статье в постановочном плане рассмотрены основные вопросы международно-правового характера, возникающие в связи с оценкой легитимности решений международных судебных учреждений.

Ключевые слова: международное право, международные судебные учреждения, легитимность, судебные решения.

Международное сообщество всерьез обеспокоено дефицитом правомерности в результатах деятельности международных судебных учреждений. Прежде всего, речь идет о правомерности ряда судебных решений, вынесенных на универсальном и региональном уровнях. Осознавая тот факт, что законность (т.е. строгое соответствие международно-правовым нормам) является первостепенным признаком правомерности судебных решений, специалисты сегодня придают не меньшее значение легитимности судебных решений (т.е. их соответствию морально-этическим принципам и ценностям).

Оценивая легитимность судебных решений, принимаемых на международном уровне, безусловно, необходимо проанализировать широкий спектр вопросов, которые профессор Д. Боданский предлагает сгруппировать в шесть блоков [З. Р. 209–317].

Первый блок вопросов, по классификации профессора Д. Боданского, касается порядка формирования и принципов работы международных судебных учреждений. В этот блок подпадают следующие вопросы:

– является ли международный судебный орган, созданный в соответствии с международным договором, более легитимным по сравнению с тем, который создан решением Совета Безопасности ООН на основе гл. VII Устава ООН?

– носит ли международный судебный орган, в компетенцию которого входит рассмотрение межгосударственных споров, менее легитимный характер в том случае, если он был создан без участия тех государств, дела которых в нем рассматриваются?

Второй блок вопросов затрагивает аспекты, связанные с членским составом международного судебного органа. Этот блок включает следующие вопросы:

– в каком случае судебный орган будет более легитимным, когда его члены выбираются или когда они назначаются?

– что в большей степени обеспечивает правомерность деятельности международного судебного органа — правовая компетентность судей или политически правильно подобранный судейский состав?

– насколько важны гарантии беспристрастности и независимости членов международного судебного органа и их деловая репутация с точки зрения обеспечения легитимности принимаемых судом решений?

– насколько правильными были предыдущие судебные решения с точки зрения их легитимности?

Третий блок вопросов, по классификации профессора Д. Боданского, затрагивает основы юрисдикции международного судебного органа. В этом блоке представляют интерес следующие вопросы:

– является ли судебное решение, принимаемое на основе особого соглашения по юрисдикции суда, более легитимным по отношению к тому решению, в котором юрисдикция суда основана на норме права, предусматривающей признание обязательной юрисдикции или факультативной юрисдикции международного судебного органа?

– является ли решение международного судебного органа по существу дела, принятое после разногласий, возникших при предварительном рассмотрении дела, менее легитимным по сравнению с решением, принятым в отсутствие вышеупомянутых разногласий или в том случае, когда на стадии предварительного рассмотрения дела все спорные вопросы были урегулированы на основе общего мнения, выраженного подавляющим большинством членов судебного органа?

Четвертый блок содержит вопросы, касающиеся того, как принимаются судебные решения:

– являются ли международные судебные решения, принимаемые в ходе судебных заседаний, на которые одна из сторон не явилась, менее легитимными, чем те, которые принимаются при участии в судебном процессе всех сторон?

– являются ли международные судебные решения, принимаемые в условиях недостаточности средств (людских и материальных) в распоряжении защиты сторон менее легитимными по сравнению с теми, которые принимаются при наличии достаточных средств?

Пятый блок вопросов затрагивает определенные параметры принимаемых судебных решений. В связи с этим могут быть подняты следующие вопросы:

– оказывает ли на легитимный характер решения международного судебного органа влияние тот факт, что оно было принято единогласно или большинством голосов или при голосе председателя, являющимся решающим при равенстве голосов?

– оказывает ли на легитимность судебного решения влияние наличие особых мнений членов суда?

– оказывает ли на легитимность решения международного судебного органа влияние недостаточная ясность формулировок в постановляющей части или в мотивировке решения?

– оказывает ли на легитимность решения международного судебного органа влияние тот факт, что определенные вопросы, поднятые в ходе выступлений сторон в суде, судом не рассматриваются или рассматриваются весьма поспешно?

– оказывает ли на легитимность решения международного судебного органа влияние тот факт, что в судебном решении рассматриваются те вопросы, которые не обсуждались, или те, что тематически не относятся к вопросам, затрагиваемым в вынесенном постановлении суда?

– оказывает ли на легитимность решения международного судебного органа влияние его соответствие или несоответствие ранее вынесенным решениям?

– оказывает ли на легитимность решения международного судебного органа принятие во внимание судебной практики других международных судебных органов?

Шестой блок вопросов касается результатов принятия судебных решений. Особый интерес в связи с этим может представлять вопрос о том, влияет ли легитимность судебного решения на его выполнение?

Бесспорно, чтобы дать подробный ответ на все вышеупомянутые вопросы, потребуется провести серьезные научные исследования. В рамках настоящего исследования будут проанализированы лишь несколько из перечисленных вопросов, представляющиеся наиболее актуальными.

При этом представляется интересным обсудить проблему правомерности решений международных судебных органов через призму критериев легитимности, предложенных профессором Т. Франком [6. Р. 26]. Он рассматривает легитимность с точки зрения ее соответствия ряду признаков (индикаторов). Характер этих признаков, по его мнению, необязательно лежит в морально-этических ценностях, они могут относиться и к правовой сфере. При этом ученый подчеркивает, что в тех случаях, когда отмечается несоответствие этим признакам, речь все же не идет о том, что законность в конкретном деле может быть поставлена под сомнение.

К предложенным профессором Т. Франком признакам (индикаторам) относятся: определенность или детерминированность; символическое признание юридической силы; последовательность; следование установленным нормам и правилам.

Итак, первым из названных индикаторов легитимности согласно профессору Т. Франку является определенность или детерминированность. Она заключается в «способности четко выразить в тексте главные мысли... Правила, которые были четко сформулированы и в которых точно сказано, что ожидается от тех, кому они предназначены, будут оказывать большее влияние на то, как они будут исполняться» [6. Р. 30–31]. Решения международных судов и трибуналов могут не отвечать этим требованиям в том случае, если их постановляющая

часть сформулирована нечетко, в ней не дается прямых ответов на вопросы, адресованные органу, рассматривающему дела и выносящему решения в судебном порядке, или в том случае, когда приведенные аргументы сложны для понимания или могут истолковываться по-разному. Этот индикатор, на наш взгляд, затрагивает ситуацию, когда в решении суда восприятие одних доводов допускается за счет опровержения других доводов. Такие ситуации необходимо исключать.

В качестве примера можно сослаться на вызвавшее большой резонанс Консультативное заключение Международного Суда ООН от 8 июля 1999 г. по запросу Генеральной Ассамблеи ООН о законности угрозы ядерным оружием или его применения [1. С. 734–735]. В ответ на вполне четко сформулированный вопрос о том, допускается ли в международном праве, независимо от ситуации, угроза применения ядерного оружия, Международный Суд ООН единогласно постановил, что ни в международном обычном, ни в международном договорном праве нет какого-либо конкретного разрешения относительно угрозы или применения ядерного оружия. Суд также постановил, что угроза применения ядерного оружия, в общем, противоречит нормам международного права, применимым по отношению к вооруженному конфликту, и в частности, она противоречит принципам и нормам гуманитарного права. И далее Суд добавил, что не может окончательно решить, является ли угроза применения или само применение ядерного оружия законным или незаконным в крайней ситуации самообороны.

Даже если принять во внимание сложность данного вопроса и его политическое значение, а также тот факт, что этот акт является консультативным заключением Суда (т.е. необязательным актом), совершенно очевидно, что фраза «в общем, противоречит» и заключение о том, что «Суд не может окончательно решить» не приносят необходимой четкости. Подобное суждение, по мнению судьи Р. Хиггинс, может привести к повторному рассмотрению вопроса в Суде в результате его неясности. Судья Р. Хиггинс также выразила сожаление по поводу того, что Суд не «демонстрирует то, каким образом он принимает решения» [7. Р. 284]. Данную точку зрения разделяет судья Ф. Браво, который считает, что те аргументы, которыми руководствовался Суд, «часто трудно понять, они неясны и, в конечном счете, оказываются вовсе не относящимися к делу» [7. Р. 282–283].

Конечно, подобные неопределенности и неточности формулировок снижают уровень легитимности консультативных заключений Международного Суда ООН.

Вторым индикатором легитимности у профессора Т. Франка выступает символическое признание юридической силы, которое является характерной чертой решений международных судебных органов. Специальная процедура процессуальных действий и порядок оглашения постановлений суда, детальное изложение оснований при принятии решений, прямые связи с ООН — все это вместе взятое указывает на то, что решения международных судебных органов

«являются важной частью всеобъемлющей системы социального порядка» [6. Р. 34]. С этой точки зрения, на наш взгляд, представляется маловероятным, что в решениях международных судебных органов могут содержаться какие-либо элементы нелегитимности.

Последовательность в тех случаях, когда она применяется в отношении судебных решений, является еще одним индикатором легитимности и означает, что решения международных судебных органов должны быть в определенной степени предсказуемы в свете предыдущих решений, принятых этими же судебными органами. Это связано с тем, что в отношении схожих дел должны применяться схожие подходы, поскольку «в тех случаях, когда подходы неодинаковы, им необходимо найти объяснение, исходя из общепринятых концепций дифференциации» [6. Р. 39]. Принятые судами постановления, как это часто случается, опираются «на компромиссные, а не на принципиальные решения» [2. Р. 271], поскольку компромиссные решения являются более приемлемыми в политическом отношении и к тому же справедливыми и легитимными.

«Привычная и естественная роль Суда — выступать гарантом единого толкования положений международного права» [5. Р. 476]. Учитывая то, что число международных судов и трибуналов постоянно растет, и в связи с этим происходит соответствующее увеличение числа решений судебных органов, в которых подтверждаются или толкуются нормы международного права, вполне очевидно, возникает насущная потребность в использовании такого индикатора легитимности, как последовательность.

Теоретические и практические подходы к работе различных международных судов и трибуналов, основанные на знании того, какие решения принимаются коллегами, взаимное уважение, стремление избежать ненужных конфликтов должны способствовать усилению последовательности юридических решений и тем самым укреплять их легитимность. В этом плане полезным можно считать признание международным судом силы решений других судов «в порядке вежливости» [12. Р. 587–620]. Полезным было бы также, по мнению специалистов, развивать «общесудебные процедурные правила и нормы обычного права, применяемые международными судами» [10. Р. 793–835].

Следующим индикатором легитимности, по мнению профессора Т. Франка, является следование установленным международным нормам и правилам. В основе этого индикатора лежит тот факт, что соблюдение норм и правил «должно обеспечиваться процедурно-институциональными средствами, которые сообщество само вырабатывает и применяет» [6. Р. 41]. В отношении решений, принимаемых международными судебными органами, следует обратить внимание на тот факт, что и суды и трибуналы были учреждены для применения международных правовых норм и их компетенция находится в пределах действия именно этих норм.

Бесспорно, самым главным условием легитимности судебного решения является то, что решение должно находиться строго в границах полномочий суда или трибунала, которыми их наделили учредители. Вместе с тем даже если

предмет спора выходит за рамки юрисдикции суда, зачастую авторитетное мнение суда имеет немаловажное значение.

Не раз Международный Суд ООН выступал с заявлениями, в которых он дал разъяснения по поводу причин применения Судом ряда норм, имеющих первостепенную важность с точки зрения морально-этических ценностей, однако находящихся вне его юрисдикции. Подобные заявления условно можно назвать «легитимирующими заявлениями», поскольку они могут рассматриваться в качестве инструмента, используемого Международным Судом ООН для того, чтобы усилить легитимность своих судебных решений.

Судебное решение по делу, связанному с возникновением крупного конфликта, в результате которого оказалась под угрозой жизнь людей, а также нарушаются основные морально-этические ценности, может оказаться более приемлемым как для проигравшей дело стороны, так и для международного общественного мнения, в том случае, когда в нем содержится «легитимирующее заявление», подтверждающее приоритетность данных ценностей.

Два примера, взятые из тех дел, которые недавно рассматривал Международный Суд ООН, смогут наглядно проиллюстрировать сказанное. Речь идет о судебном решении по делу *о Вооруженных действиях* (дело *Конго против Руанды*) [11. Р. 1175] и судебном решении в деле *о Нефтяных платформах* (дело *Иран против США*) [9. Р. 1334].

Так, в своем решении по делу *Конго против Руанды* в 2002 г. Международный Суд ООН отказал в предоставлении обеспечительных мер, постановив, что он не наделен очевидной и достаточной юрисдикцией, хотя в 2006 г. недостаточные полномочия Суда были подтверждены в решении по вопросу о юрисдикции и приемлемости [4. Р. 562].

Несмотря на тот факт, что в резолютивной части постановления говорится о недостаточных полномочиях Суда, Суд сделал акцент на том, что стороны «должны действовать в соответствии со своими обязательствами, вытекающими из Устава Организации Объединенных Наций и других норм международного права», и подчеркнул, что «сторонам необходимо использовать все свое влияние для того, чтобы предотвратить многочисленные серьезные нарушения прав человека и норм международного гуманитарного права» [11. Р. 1175].

Далее, в решении Суда по делу *о Нефтяных платформах*, которое рассматривалось в 2003 г., говорится следующее:

«Действия, предпринятые Соединенными Штатами Америки против иранских нефтяных платформ 19 октября и 18 апреля 1988 г., не могут быть оправданы в качестве мер, необходимых для защиты интересов безопасности Соединенных Штатов Америки согласно п. 1 (d) ст. XX Договора о дружбе, экономических связях и консульских правах между Соединенными Штатами Америки и Ираном, заключенного в 1955 г., в свете норм международного права в области применения силы... Суд тем не менее не может удовлетворить жалобу Исламской Республики Иран о том, что эти действия носят характер нарушения Соединенными Штатами Америки своих обязательств по Договору, согласно п. 1

ст. X Договора, в котором говорится о свободе торговли между территориями обеих сторон и, соответственно, иск Исламской Республики Иран о возмещении причиненного ущерба не может быть удовлетворен» [9. Р. 1334].

Эта в достаточной мере необычная резолютивная часть постановления Суда хорошо отражает ход рассуждений судей. Иран подал жалобу на нарушение Соединенными Штатами своих обязательств согласно п. 1 ст. X Договора от 1955 г. Представители Соединенных Штатов, со своей стороны, заявили, что США не нарушали своих обязательств, изложенных в п. 1 ст. XX, но при этом согласились с тем, что хотя в ст. XX и не исключается возможность принятия «мер, необходимых для выполнения обязательств по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности», эта статья может быть использована в качестве защиты в том случае, если Суд примет иное решение.

Принимая во внимание многие обстоятельства, Суд рассмотрел характер действий, предпринятых Соединенными Штатами (в частности, нанесение авиационных бомбовых ударов по иранским нефтяным платформам), и сделал выводы, что данные действия не соответствуют требованиям необходимой самообороны, и поэтому они не могут быть оправданы в рамках действующих норм международного права в отношении применения силы. Рассмотрев далее вопрос о том, составляют ли подобные действия нарушение обязательств согласно п. 1 ст. X Договора 1955 г., Суд постановил, что нарушение обязательств не имело место.

Судья Симма выразил особое мнение, в котором он подчеркнул, что считает «крайне важным и принципиально важным для Суда выразить свое мнение по вопросу об угрозе применения силы в международных отношениях каждый раз, когда для этого предоставляется случай» [9. Р. 1429].

Однако противоположную точку зрения высказали судьи Хиггинс, Коойжманс и Буергенталь, имеющие совершенно иное представление о легитимности судебных решений. По их утверждению, Суд нарушил принцип, согласно которому он не должен исследовать вопросы, по которым сторона не заявляет ходатайств. Иными словами, поскольку Суд постановил, что не имело место нарушение ст. X Договора 1955 г., не было необходимости рассматривать вопрос о защите, основанной на положениях ст. XX, а также вопрос о нормах в отношении применения силы.

Как заявила судья Хиггинс: «Нельзя считать “желательным” или даже уместным при рассмотрении иска, который сам Суд охарактеризовал как иск, связанный с вопросом о свободе торговли и навигации, смещение центра внимания к вопросу об применении силы в рамках международного права» [9. Р. 1429].

Судья Коойжманс привел другие аргументы: «неизбежным последствием того особого внимания, которое было уделено толкованию п. 1 (d) ст. XX в свете общего международного права, является то, что судебное решение выглядит скорее как решение о законности применения силы, а не как решение о нарушении Договора о торговле» [9. Р. 1391].

Судья Буергенталь отметил, что Суд нарушил правило, согласно которому он не исследует вопросы, по которым сторона не заявляет ходатайств, и пришел к выводу, что «решение Суда по вопросу, по которому стороны не заявили ходатайств, не следует рассматривать как авторитетное мнение Суда в отношении действий, предпринятых Соединенными Штатами» [9. Р. 1404].

Подобное расхождение во взглядах судей хорошо иллюстрирует различие в подходах к проблеме легитимности судебных решений. Существует заметное различие между морально-этическими и политическими ценностями и принципами, благодаря руководству которыми судебное решение приобретает легитимный характер с точки зрения одного отдельно взятого судьи, и понятии о легитимности судебных решений, вытекающим из коллективных решений судей.

К примеру, один судья может считать, что легитимность судебного решения будет усилена в том случае, если будут использованы все возможности для утверждения высоких принципов и упоминания правил, на которых эти принципы базируются.

Другой судья может быть убежден в том, что самым главным условием легитимности судебного решения является то, что решение должно находиться строго в границах полномочий суда, и поэтому наиболее предпочтительной для суда должна быть политика, направленная на разрешение споров сторон без вынесения постановлений, которые в данных условиях не носят обязательный характер.

Однако иногда идея о легитимности и вытекающей из нее судебной политике появляется в результате коллективной и коллегиальной работы всех вместе взятых судей суда или трибунала. Различия между теми делами, которые суды рассматривали, различия, имеющиеся в составе судов и трибуналов на протяжении всей истории их существования, и особенно те компромиссы, на которые судам приходится идти, чтобы достигнуть согласованных решений — все это является теми факторами, в силу которых коллективная идея легитимности и содержание судебной политики выглядят не столь однозначно.

В заключение следует подчеркнуть, что дискуссия о легитимности решений международных судебных органов затрагивает и правовые, и политические, и морально-этические принципы судебной деятельности, а также восприятие мировой общественностью того, как эти принципы применяются на практике, что на деле порождает много вопросов, рассмотреть которые невозможно в рамках одной статьи. Сказанное обязывает еще не раз вернуться к более всестороннему анализу обозначенных в настоящей статье международно-правовым аспектам.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абашидзе А.Х.* Международное ядерное право // *Международное право: Учебник* / Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Международные отношения, 2005.

- [2] *Abi-Saab G.* Cours general de droit international public // Recueil des Cours 207 (1987-VII), 9.
- [3] *Bodansky D.* The Concept of Legitimacy in International Law // Legitimacy in International Law / R. Wolfrum, V. Roben (eds.). — Springer, Berlin, Heidelberg, 2000. — P. 209–317.
- [4] Case concerning armed activities on the territory of the Congo (new application 2002), judgement of 3 February 2006 // ILM. — 2006. — Vol. 45.
- [5] *Dupuy P.-M.* L'unité de l'ordre juridique international, Cours general de droit international public // Recueil des cours. — 2002. — Vol. 297.
- [6] *Franck T.* Fairness in International Law and Institutions. — N.Y., 1995.
- [7] ICJ Reports 1996.
- [8] Judgement of 6 November 2003, *Iran v. United States* // ILM. — 2003. — Vol. 42. — No 6.
- [9] *Kolb R.* General Principles of Procedural Law // Zimmermann A., Tomuschat Ch., Oellers-Frahm K. (eds.). The Statute of the International Court of justice, A Commentary. — 2006. — P. 793–835.
- [10] International Court of Justice (ICJ): Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (*Democratic Republic of the Congo (DRC) v. Rwanda*) (Request for Provisional Measures) // ILM. — 2002. — Vol. 41. — No. 5.
- [11] *Treves T.* Juridical Lawmaking in an Era of «Proliferation» of International Courts and Tribunals: Development of Fragmentation of International Law? // R. Wolfrum — V. Roben (eds.). Development of International Law in Treaty Making. — 2005. — P. 587–620.

ASPECTS OF LEGITIMACY OF DECISIONS OF INTERNATIONAL COURTS

L.N. Tarasova

The Department of State Law Discipline
Moscow Financial Juridical Academia
17-A, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117447

The main aspects of international legal character, dealing with the doctrinal appraisal of legitimacy of decisions of international courts are analysed in this theses by the placing manner.

Key words: international law, international courts, legitimacy, decisions of courts.